

УДК 81 – 13,81'27,81:0/9

И. В. Шапошникова

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: irina@nsunet.ru

**РАЗМЫШЛЕНИЯ О ФИЛОГЕНЕЗЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ
И ВОЗМОЖНОСТЯХ ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
ВНЕШНЕЙ И ВНУТРЕННЕЙ ИСТОРИИ ЯЗЫКА ***

В статье рассматриваются вопросы параметризации и определения специфики взаимодействия внешней и внутренней истории языка в этногенетическом контексте, роль ментальных репрезентаций (маркеров) категоризации опыта межэтнических контактов разного уровня в описании ориентационных мировоззренческих процессов в этногенезе. Уточняются предмет исследования и единицы анализа. Специфика цельносистемных типологических изменений английского языка трактуются как семиотическая проекция этногенеза в более широком теоретическом контексте внешних детерминант (термин Г. П. Мельникова).

I. V. Shaposhnikova
Thoughts on Historical Study of Mentality in the Interaction
between Internal and External Histories of English

The article focuses on the interaction between external and internal histories of language in the context of cross-ethnic contacts. The role of mental representations as markers of ethno-cultural experience obtained via contacts at ethnic and superethnic levels is also discussed. Holosystemic typological changes in the language are viewed as semiotic projections of ethnogeneses and discussed within the framework of a wider theoretical background provided by G. P. Melnikov's outer determinants.

В межфазовых переходах в этногенезе ориентационный мировоззренческий процесс приобретает остроту жизнеспасающей «технологии», которая уникальна в каждом конкретном случае ее возникновения и осуществления и проявляет себя в характере внутриэтнических и межэтнических взаимодействий. «Зрелое» мировоззрение подразумевает включенность человеческого (этнического, этнокультурного) сообщества в жизнь на уровне организованной деятельности, адекватной вызову времени и эпохи. О позитивном жизнеспасающем (антиэнтропийном) процессе можно говорить тогда, когда этнокультурному сообществу, сбросившему внутреннее напряжение, удастся организовать свою пассионарность на новые свершения. Уникальность такого рода «технологий» заключается в неповторимости, невозпроизводимости их как целокупности

в иноэтнической системе, поскольку они вырастают из внутреннего системного резерва, организации и специфического творческого эффекта пассионарности (последний можно при определенных условиях трактовать как трансфер так называемых этнических констант – термин С. В. Лурье (см. [Шапошникова, 2007. С. 107]).

Продолжая тему, начатую в прошлом номере журнала, назовем доступные для анализа объекты в поле зависимостей и свобод, определяющих мировидение в целом и соответствующее ему состояние этнической системы. Определим также дискуссионные, а значит, достойные особого внимания исследователя области. Одним из значимых в нашем контексте объектов являются *этнокультурные доминанты* (ЭКД) – более-менее устойчиво взаимодействующие мотивационные установки (иерархия мотивов и

* Продолжение темы. Начало см.: Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. Т. 5, вып. 2. С. 103–117.

установок), доминирующие внутри определенного субэтнуса (этнической группы), формирующие потребности его членов и определяющие основные социокультурные параметры его самоорганизации, в итоге – его *функциональный статус* в этнической системе.

Этнокультурные доминанты находят комплексное семиотическое выражение в структуре и содержании преобладающего стереотипа поведения, в относительно устойчивой системной организации образов сознания, в ценностных предпочтениях¹. Этнокультурные доминанты вербализуются в языковых номинациях и текстах. В последних, могут бытовать в виде ценностно маркированных идеалов (идеальных конструктов, концептов, идеологем) и могут быть результатом и (или) становиться предметом рефлексии авторов, а в речевой практике – орудием речевого воздействия на сознание реципиентов («соотечественников»). При организации совместной деятельности членов этноса составляющие ЭКД «ценности» могут использоваться как мотивы, идеальные «объекты», отсутствие которых эмоционально глубоко переживается в обществе. Творческое воздействие пассионарной личности при изменении (коррекции) этнокультурных доминант, вероятно, может осуществляться через обратное (направленное не на удовлетворение, а на формирование потребности) комплексное семиотическое же воздействие, а также специфическое воздействие идеальных (концептуальных) построений, имеющих прогностический характер по отношению к стереотипу поведения, опирающихся на системность образов сознания и формирующих новые (видоизмененные) потребности у членов этнической группы. Возможно, имеет смысл вести речь о диапазоне воздействия. Разрушительное начало связано с наличием энергетического предела – либо слишком высокая пассионарность, ломающая устойчивость установок группы, мешающая построить целостный образ совместной деятельности,

либо слишком низкая пассионарность, приводящая к деградации самого механизма формирования социально значимых потребностей. В исторической этнологии ЭКД, вероятно, могут рассматриваться как частные формы бытования этнической картины мира, как формы трансфера так называемых «этнических констант» (термин С. В. Лурье [1998]) (при наличии выраженного этнокультурного типа). Формирование ЭКД происходит в ходе внутриэтнических взаимодействий субэтносов (этнических групп), в которых культурная тема (для русских это, по мнению С. В. Лурье, «государственность») выступает как катализатор. Можно предположить наличие обратного воздействия сменяющих друг друга этнокультурных доминант на формирование «культурной темы» этноса. Содержание ЭКД сильно отражается на стереотипах восприятия иных этносов и характере межэтнических контактов всех уровней. Идентификация исследуемых процессов в силу самой их природы и абберрации собственной картины мира исследователя, определение единиц анализа и методов представляют собой области крайне не дискуссионные, однако исследование в этой сфере представляется нам оправданным поиском жизнеспасающих технологичных семиотического характера, направленных на диагностику степени сохранности этноса, укрепление единого культурного поля, выработку иммунитета к социально опасным попыткам изоциренных манипуляций сознанием.

Предмет анализа был определен нами как содержание доминант, их формирование и устойчивость, взаимодействие с другими детерминантными процессами и средой.

При исследовании ЭКД нужно отдавать себе отчет в том, что здесь описана гипотетическая модель (эталонный процесс) их «созревания», который вряд ли будет проявляться в чистом виде (точно так же, как не может в чистом виде проявляться описанный Л. Н. Гумилевым эталонный процесс этногенеза), и есть множество известных и неизвестных нам факторов, оказывающих формирующее воздействие на этот процесс.

Этнокультурные доминанты вряд ли могут быть адекватно описаны вне более широкого контекста изучения сознания и его функционирования. Существуют разные модели сознания. Некоторые из них построены на совершенно отличных друг от

¹ Структура стереотипа поведения этноса включает в себя (по Л. Н. Гумилеву) определенные нормы взаимоотношений между: а) этническим коллективом и индивидом; б) индивидами; в) субэтносами (внутриэтническими группами); г) этносом и субэтносом. Сюда также включаются: навыки адаптации в ландшафте и нормы отношения к иноплеменникам [Гумилев, 2002. С. 546].

друга принципах (ср., например, понимание онтогенеза и функционирования сознания через квантовую теорию у Вернона Вульфа, через компьютерную метафору у Рэя Джекендоффа, с разработкой структуры сознания у В. П. Зинченко и др. российских психологов и психолингвистов [Jackendoff, 1989; Уфимцева 2006]). При сравнительном анализе столь различных моделей становится очевидным то общее, что отмечено ими и присуще им всем, – это неоднородность сознания и его слоистость, многоплановость функционирования, связь с разными каналами получения опыта, его неоднородность по отношению к характеру источников формирования и средств его выведения во вне, в особенности его неоднозначность по отношению к языку.

Т. Н. Ушакова в статье, посвященной теоретическим проблемам исследования языкового сознания, отмечает, что «с сознанием связываются высшие формы психического функционирования: способность к мысли, разумности, творчеству, рефлексии, способность понимать скрытые свойства мира, вырабатывать абстрактные отвлеченные и обобщенные представления, формировать моральные понятия, нести ответственность за свои действия, способность осуществлять масштабные действия с привлечением значительных природных и человеческих ресурсов» [2000. С. 14–15]. Чтобы заново оценить возможности лингво-семиотических средств исследования сознания, приходится вновь и вновь обращаться к фундаментальной проблеме соотношения сознания, языка и речи.

Сознание никак не сводимо к языку и речи. Как отмечает Т. Н. Ушакова, сознание представляет собой «психический феномен нематериальной природы (его нельзя измерить по пространственным признакам, он непространственен, нельзя услышать, посмотреть на него». Язык абстрактная, идеальная сущность. Речь же материальна. «Речь можно зафиксировать с помощью физических приборов, услышать, записать... можно объективно зарегистрировать ход формирования и угасания межсловесной (языковой) связи и т. п. Речь – материальный процесс, несущий информацию» [Там же. С. 17]. Однако на вопрос о том, как происходит переход от нематериально к материальному, «как психический нематериальный процесс превращается в процесс

материальной природы (то есть состояние сознания превращается в речь, язык), и в обратном направлении: как материально выраженное воздействие (скажем, звучащая речь) воздействует на мысль, сознание слушающего», по мнению Т. Н. Ушаковой, наука сегодня может дать только самый общий ответ [Там же. С. 18]. Вероятно, это же самое можно сказать и о других материальных продуктах семиотической деятельности человека. Однако из совокупного действия языка, речи и сознания в психике субъекта рождаются своего рода новые структурные образования, которые описываются по-разному, с использованием разной терминологии: языковой тезаурус, вербальные сети, семантические поля, которые исследуются методом вербальных ассоциаций. Эксперименты выявили «факт существования межсловесных временных связей, показали значение жизненных условий и ментального опыта человека в формировании вербальных ассоциаций. Это значит, что ментальный (психологический!) опыт приводит к структурным перестройкам в системе физиологических временных связей, вербальных сетях. <...> Здесь приоткрывается путь “уякорения” сознания в языковых структурах. Обнаруживается, что вербально-ассоциативный эксперимент в психологическом проявлении обнаруживает существование физиологически установленных временных связей. Ассоциативный эксперимент фиксирует существование сложившейся системы, как некоторый конечный результат психофизиологической деятельности, однако в рамках вербально-ассоциативных исследований вопрос о формировании этой системы и механизмах ее формирования не затрагивается (курсив наш. – И. Ш.)» [Там же. С. 19].

Несомненно, исследование ЭКД лежит в области изучения сознания как в его динамическом, так и в его статическом проявлении, а филогенез мировоззрения – динамический процесс, который может, в частности, найти свое семиотическое вербальное проявление (маркируется его результат) в специфике вербальных ассоциаций различных этносоциальных групп, которые поддаются фиксации и измерению. Этот процесс можно отслеживать по косвенным признакам с более-менее точным инструментарием, но, в силу вышеописанного, никогда нельзя быть стопроцентно

уверенным в правильности спрогнозированной модели на выходе. На входе – параметры (факторы), исходные исторические знания о системе, о культурной теме, основных институциональных образах и их конфигурации для уже известных ранее состояний этнической картины мира, иногда фрагментарных знаний о живой системности образов (после массового эксперимента). На выходе – предсказание того, какую мировоззренческую направленность может выдать данная этническая группа, если предполагаемый «катализатор» будет устойчиво воздействовать на процесс. Современные технические средства позволяют также произвести «замеры» устойчивости формирующихся смыслов, опираясь на возможности корпусной лингвистики. Иначе говоря, в какой-то мере можно если не спрогнозировать, то измерить, какого рода содержание зреет на выходе *при определенном уровне устойчивости* заложенных на входе смыслов, по крайней мере с помощью технических средств это становится доступно для статистической обработки. Единицами анализа в психолингвистике при этом выступают образы сознания, в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике – концепты, фреймы, схемы, наполненность семантических оппозиций, все, что составляет содержание картины мира. Этнолингвистический анализ на этом уровне – это всегда анализ воплощенности в языковых формах, категориях, структурной организации и функциональной специфике языковых подсистем процессов переработки и категоризации этнокультурного опыта. Речь идет о самых разных формах опыта, идущих от разных каналов восприятия и переработки информации с итоговым превращением ее в семиотику ментального плана.

Второй объект рассмотрения, помимо собственно ЭКД, – *жесткие социальные структуры (системы)*, которые этнос (субэтнос, суперэтнос) выстраивает в соответствии с этнокультурными доминантами в ходе своей самоорганизации. Эти социальные структуры обеспечивают вертикальные и горизонтальные связи субъектов социального взаимодействия. Творческая институционализация новых и разрушительная деинституционализация прежних социальных образований коррелируют с ориентационной направленностью этнокультурных доминант. Исследование жестких социальных

структур опирается на традиционные исторические и социологические методы.

Третий объект – адаптационно-деятельностные модели (АДМ), воплощающие в себе направленность ЭКД и сопровождающиеся институционализацией соответствующих социальных структур. АДМ не может рассматриваться как простая совокупность действий «типажей» эпохи. АДМ в исторической этнологии ассоциируется с «проигрыванием драмы» внутриэтнического функционального конфликта вокруг определенной культурной темы [Лурье, 1998]. Однако внутри этой «драмы» и происходит зарождение ориентационного мировоззренческого процесса (см. выше). Внутри этой драмы и разворачиваются конкретные судьбы и деяния личностей, оцениваются и переоцениваются их поступки и институционализируются «оптимальные» модели поведения (при жизнеотрицающем мировоззрении «оптимальными» могут представляться и разрушительные для системы образцы, тем не менее их также можно рассматривать как формы адаптивности).

Что здесь может рассматриваться как единица анализа в мировоззренческом контексте? Для ответа на этот вопрос на традиционный в психологии фрейм деятельности нужно «наложить» нравственно значимые семантические оппозиции, т. е. такие оппозиции, которые создают константные матрицы в этнической картине мира и способствуют появлению условий направленной деятельности. Например: «добро – зло», «свой – чужой», «я – мы» – все эти оппозиции формируют, по всей видимости, комплиментарность в том смысле, который этому термину придавал Л. Н. Гумилев (как положительную, так и отрицательную) [Гумилев, 2002. С. 526]. Все эти семантические сетки, будучи наполненными личностным смыслом, помогают субъектам деятельности выстроить систему табу, различных ограничений, для того чтобы можно было действовать без ущерба для жизни, самоорганизоваться в совместной деятельности на этой основе, т. е. сформировать общий образ совместной деятельности. В таком приближении действие становится нравственным актом, а единицей анализа становится поступок, во всех своих разновидностях – деяние, проступок, грех, подвиг, который подвержен рефлексии и оценке со стороны других членов этнического сообщества.

Исходя из известного положения о том, что личность может влиять на свои потребности, модифицируя и меняя их, соответственно общество может также формировать потребности у своих членов, у некоторых его представителей возникает искушение оказать грубое манипулятивное воздействие на сообщество, оперируя словами и стоящими за ними образами. Действительно, любой из упоминавшихся выше объектов рассмотрения поддается выражению (описанию) с помощью языковых единиц – номинаций (лексем и пр.), и их ассоциативно-вербальных сеток, лексико-семантических, семантико-функциональных полей, отражающих системность социальных структур, системность образов сознания, устойчивость связей которых измеряется в эксперименте и частично через текстовый (дискурсивный) анализ. Но слова и ассоциативно-вербальные сетки суть завершающее звено процесса, как уже упоминалось выше, маркеры (ярлычки, тела знаков) уже прошедших процессов, поэтому говорить о прямом влиянии их на сами процессы трудно. Здесь много неясного, спорного. Психология исходит из того, что субъект может действовать на основе возникающего у него субъективного образа, в чем, собственно, и заключается функция сознания [Ушакова, 2000. С. 14]. Однако образы, которые могут возникать при вербальном же (содержательном в семиотическом, знаковом плане) воздействии на сознание, не являются эксклюзивными мотивами поведения. Последние формируются и в рамках АДМ в бытийном слое сознания, они взаимодействуют со всеми остальными частями самоорганизации и нельзя решить однозначно вопрос о том, что первично в каждом конкретном случае. Именно поэтому нельзя полагаться на чисто «проектантские» манипуляции с образами сознания. На эмоционально-чувственном уровне можно сколько угодно призывать к красивым образам и, с определенной долей успеха, получать выстраивающий эффект от этих образов, но АДМ много больше, чем нарисованные и принятые (вербализованные) сейчас, в данный момент образы и взаимосвязи «спроектированной» ЭКД. Они рождаются из деятельности и в ходе деятельности, на входе – только образ совместной деятельности, который может сильно отличаться от результата деятельности на выходе. По этой же

причине мировоззрение никак нельзя приравнять к совокупности идей, идеологем, положений, тем более догматов. Оно формируется таким образом, что его нельзя «вложить» в головы людей. Сделать из человека зомби на какое-то время можно, но вложить в него конструктивное мировоззрение нельзя. Оно формируется в ходе *содержательной* деятельности, если новое поколение растет в окружении *позитивных образов родной культуры*, что подкрепляется социально значимой *содержательной* деятельностью, в которой *востребованы поступки и апелляции к личностному смыслу*, в которой поэтому рождаются личности, они не развиваются вне этого содержания, априори, наоборот, именно в нем вырабатываются (интериоризируются, присваиваются) мировоззренчески нагруженные смыслы. Очень важные мысли в этом плане высказаны в статье А. А. Леонтьева «Личность, деятельность, образование» [2000]. Здесь личность рассматривается, вслед за Л. С. Выготским, как «динамическая смысловая система, включающая мотивационные, волевые, эмоциональные процессы, динамику действия и динамику мысли», причем «познавательные процессы – только часть процессов интериоризации, они подчинены личности, определяющей и регулирующей их» [Там же. С. 7]. Это исключительно важные положения в контексте нашего исследования мировоззрения. Представленное здесь понимание личности делает *поступок* единицей анализа личности, и одновременно *поступки* являются единицами анализа, по которым можно косвенно судить об ЭКД и АДМ, они могут рассматриваться как *единицы влияния* на формирование ЭКД. «Личность есть процесс постоянного самоопределения человека в реальном мире, регулирующий познавательные процессы, поступки, переживания и т. п. Она первична по отношению к деятельности и сознанию» [Там же] и, вероятно, может рассматриваться как «агент» влияния, первичный по отношению к этнической картине мира, параметрам языкового и внеязыкового сознания. Личность созревает в деятельности (социализации). Когда же социально значимые потребности плохо формируются (на фоне низкой пассионарности), то и личностей мало. Опираясь на обширные исторические данные, Л. Н. Гумилев пришел к заключению, что, когда иссякает пассионарность,

включается *инерционный защитный механизм культуры, способный помочь этнической системе мобилизоваться, самоорганизоваться, переструктурироваться под новые задачи, сорганизоваться с опорой на инерционность своего культурного ресурса*. Наверное, и наш анализ тоже относится к разряду поиска таких механизмов, которые хоть в какой-то степени помогли бы активизировать возможности гуманитарной сферы в образовании.

Вспомним недавний «застой» в социально значимой деятельности (формирующей личность), обнаживший один из главных недостатков «советского проекта». Исходная порочность советского проекта, заложившая в него нигилистическое, жизнеотрицающее мировоззрение как закономерный исход, заключается в упрощении, вместо усложнения, бегстве от многообразия, вместо опоры на него, подавлении этничности, вместо опоры на нее, идеологической косности и неумении воспользоваться своим культурным ресурсом. Отсюда и подавление народного порыва, жесткое подавление инициативы, неумение работать с ней, неумение оценить свое собственное гуманитарное достояние, боязнь собственного народа и спекуляция на разрушительных инстинктах. В дальнейшем полное вырождение элиты и недееспособность, консервация этого состояния, выдавливание пассионариев из системы, рост внутреннего напряжения, итог – новая смута. Сюда же примыкает и стремительно последовавшая за этим негибкость неумных реформаторских порывов «сплеча, сгоряча». Между тем, как замечает А. А. Леонтьев, «личность возникает в результате иерархизации системы деятельностей. Это не данность, а качество. Отдельные деятельности связываются в узлы, в результате чего образуется новый уровень сознания – сознание личности» [Там же. С. 8]. Связь деятельностей осуществляется через *смысловую сферу*. Именно смысловая сфера и была обеднена и примитивно стандартизирована в советском проекте эпохи застоя, полноценное же участие человека в социально значимой деятельности превращалось в упрощенные нежизненные схемы, чем и подавлялось развитие носителей личностного сознания. В значительной мере это подготовило появление поколения «рефлексирующих на кухнях недо-Гамлетов, уклонистов от всего», пред-

ставители которого далеки от поведения рыцарей без страха и упрека, готовых биться за идеал по первому зову «не посрамим Отечества своего!». Одним из закономерных результатов этого мировоззренческого болота стало и то, что и живущие-то сегодня рыцари в глазах циничного обывателя, который быстро формируется в атмосфере тотального экономизма, – всего лишь «сотканые из нелепостей Дон-Кихоты». Выросшим в такой системе прагматическому обывателю и циничному чиновнику, не знавшим к тому же явленного в кровавых битвах открытого давления внешнего врага и имеющим завидные аппетиты на куски от общественного пирога, долго придется объяснять, что такое Родина и зачем именно ее надо защищать, и даже в отсутствие войны зачем нужно мобилизоваться на совместные действия.

Как приходится решать аналогичные проблемы в разных частях света? По-разному. В эмигрантских по своей природе сообществах, где нет возможности опереться на актуальное для всего сообщества исторически сложившееся культурное ядро и традицию, на общность базовой части этнической картины мира, а также в сообществах, испытывающих серьезное давление со стороны мигрантов из других стран, приходится строить полицейское государство с тотальным контролем (слежкой) за гражданами, подкрепляя его «идеологией плутократии», по выражению Н. С. Трубецкого [2007. С. 604]. Ведь осознанная мобилизация общества достижима при определенных условиях, определенных сложившихся до того типов отношений, к примеру: когда человеку есть что терять, и он осознает, что это надо защищать, и у него есть *моральная ответственность* за сохранность того, что он ценит; или: когда терять совсем нечего, налицо материальное нищенство, но есть чувство собственного достоинства, которое сохранено и не позволяет унизиться до положения раба. Мобилизация при этих условиях достижима относительно легко, присутствуют глубинные мотивы, они всегда в *русле нравственности, моральной ответственности*. Последняя – всегда дело добровольное, но не обязательное для индивида, оно возвращается *личностью*. У раба по духу нет, и не может быть моральной ответственности. Вывод – воспитывать индивидов, а точнее личное чувство собственного

достоинства (и превосходства) как самодостаточную «вещь в себе», контрпродуктивно для сообщества, так как со временем в таком обществе очень быстро уничтожается мотивация к социализации как таковой. Не менее контрпродуктивно и воспитание безликого раба «идеи» жизнеотрицающего мировоззрения. Нам думается, что у евразийцев есть достойный ответ, который содержит в себе конструктивный образ «я – мы». Евразийский смысл этого образа начинается с чувства собственного достоинства личности человека как воплощения личности народной². Это не гордость, а чувство собственного достоинства, самодостаточность на уровне личности народной и признание себя самих в этом качестве. Взрастить такую личность означало бы подготовить холистический прорыв к самотворчеству. Но простые идеологические манипуляции по механистическому принципу обрастания новыми ассоциациями в сознании этнического сообщества не решат так глубоко укоренившуюся проблему. Как снежный ком накапливается опыт у человека, и вот он подошел к ощущению своего потенциала, мы постепенно подвели его к пониманию его целостной личностной ориентации. Задача задач – сделать так, чтобы деньги не мешали этому процессу, а служили бы ему. Сегодня они вторгаются сюда совершенно не обоснованно, еще до созревания личности. Образы, которые мы создаем для ребенка, должны быть подкреплены реальными материальными возможностями, – не в смысле подарить побольше детям, а в смысле создать условия для их взросления и созревания в материально созидательном плане, а не в невротизации грабительски подавляющей личность средой жадности и

² Не национальной, а народной. Можно согласиться с С. В. Лурье: идея нации, возникшая как идеология нового империализма, совсем не пригодна для России. Не случайно, по ее мнению, национальность не была значимой категорией и для русских имперских государственных деятелей [1998]. Идея национальности, как нам думается, в определенном смысле противоречила характеру русской народной колонизации. Заметим, что в теории этногенеза Л. Н. Гумилева, считавшего себя евразийцем по духу, понятие «этнос» также далеко от того, что несет с собой идеология «нация». Ср.: «Этнос – естественно сложившийся на основе оригинального стереотипа поведения коллектив людей, существующий как энергетическая система (структура), противопоставляющая себя всем другим таким же коллективам, исходя из ощущения комплиментарности» [1994. С. 611].

суеты, заданной писанными и неписанными законами насаждаемого тоталитарного экономизма. Кроме того, творческая личность не взрастится там, где читают наставления и нотации, и того хуже – действуют вульгарными агитационно-пропагандистскими трюками и пиар-акциями. И слово-то «достойное» несомого смысла изобрели – пиарить! Это означало бы, как минимум, повторять негативный, разрушительный опыт прошлого. Уйти от этого опыта можно только конструктивными способами. Что точно никак не поможет, а только внесет разрушительное начало, так это примитивные попытки перенять лживые формы социальной пропаганды у идеологического противника. Ложь порождает ложь.

Здесь очень важно понимать, что у каждого «великого» народа свои модели колонизации, освоения пространства, восприятия иноэтничного населения. Свойственный конкретной этнической системе характер колонизации, во многом предопределяющий способ трансфера этнических констант, подсказывает и идеологемы в мотивационно-содержательной части ориентационного мировоззренческого процесса. Специфика английской колонизации очень сильно повлияла не только на политическую и экономическую карту мира, но и на характер межэтнических конфликтов.

Национальное превосходство, самоотверженное служение религиозной идее, насаждение по всему миру искусства свободного самоуправления и романтики покорения мира – вот основной мотив английской колонизации. Основной *субъект действия* английской колонизации – некое «общество», «сообщество» (религиозное, торговое), которое воспринимало религиозно-ценностные основания Британской империи и становилось своего рода «миниимперией». Каждое сообщество замыкалось в себе, абстрагируясь как от туземного населения, так и от метрополии. И каждое проигрывало альтернативу «сообщество – империя». Оно отталкивалось от идеологемы «сообщество», «сообщество белых людей», переходившей к понятию «империя аристократов». *Идеологическое основание империй, мобильность этих миниимперий (представительство) обеспечивало силу английской экспансии. Центр стремится привести их к единому знаменателю, а они противятся и отделяются юридически* (см. [Лурье,

1998]). У населения колонизируемых территорий возникала вестернизированная элита, которая стремилась подражать аристократам-колонизаторам и превращалась в проводника колонизаторского влияния на основные массы народа. Бытовая и техническая привлекательность жизни колонизаторов усиливала стремление к такого рода подражательству.

Попытки перенять системно навязанные таким образом ценности могли приводить к разрушительным последствиям для вестернизирующихся сообществ, накапливая внутреннее напряжение в них и провоцируя обратное давление на источник этого напряжения. Состояние идеологической сферы западного сообщества сегодня очень показательны именно в плане *кризиса колониционной модели*, пришедшей в глубокое противоречие с новой этнической картой мира. Признаки идеологической импотенции можно наблюдать и внутри самого американского сообщества. На прилавках американских магазинов находим литературу, в которой бросается открытый вызов «разлагающему влиянию» индустрии потребления и поддерживаемой в ее интересах системы СМИ, лишаящих гражданина с помощью тонких манипуляций основного права, воплощающего базовую ценность англоязычного мира, – права на свободу выбора. Убийственной критике подвергается сегодня концепция сложившейся в американском обществе демократии устами некоторых американцев, пытающихся осмыслить суть происходящих процессов. Показательны в этом плане «радикальные», в американском понимании, смыслы, которые можно обнаружить в книге «самопровозглашенного анархиста» лингвиста Н. Хомского, посвященной генезису американской демократии. Рассуждая о понимании демократии, о самом концепте ДЕМОКРАТИЯ в американской культуре, он сравнивает ее с бразильской. В итоге он приходит к выводу не в пользу американской идеологии, к выводу о том, что у бразильцев демократия подразумевает активность граждан в получении информации и в политических акциях, в то время как для американской демократии гражданин – потребитель, наблюдатель, но не подлинный участник процесса. Общественность, таким образом, имеет право всего лишь ратифицировать политику, которая зарождается вне ее (общественности), но

если процесс выходит за данные пределы, то сразу же поднимается шум о «кризисе демократии», который должен быть преодолен [Chomsky, 2003. Р. 14]. Этот концепт далее анализируется Хомским в его историческом слое как доктрина, предложенная отцами-основателями США, как *политическая демократия*, управляемая элитой. ИмPLICITно доминирование аристократии заложено в системе, позднее оно реализуется как доминирование бизнес-классов. В качестве подкрепления своих мыслей Н. Хомский приводит слова Джона Джея: «The people who own the country ought to govern it» – «Те, кто владеет страной, должны ею и управлять» [Ibid.]. Вероятно, в такого рода рассуждениях приоткрывается для нас смысл своеобразного варианта трансфера этнической константы, лежащей в основе английской модели колонизации, эмоционально глубоко пережитый и приоткрывшийся носителю этой культуры изнутри. Исходя из этого смысла объясняются и попытки в общественной жизни и в обучении контролировать общество через средства массовой информации, манипулируя ими, изготовляя общественное согласие на заказ, сея необходимые иллюзии: «In its dependencies, the United States must often turn to violence to “restore democracy.” At home, more subtle means are required: the manufacture of consent, deceiving the stupid masses with “necessary illusions,” covert operations that the media and Congress pretend not to see until it all becomes too obvious to be suppressed. We then shift to the phase of damage control to ensure that public attention is diverted to overzealous patriots or to the personality defects of leaders who have strayed from our noble commitments, but not to the institutional factors that determine the persistent and substantive content of these commitments. The task of the Free Press, in such circumstances, is to take the proceedings seriously and to describe them as a tribute to the soundness of our self-correcting institutions, which they carefully protect from public scrutiny. More generally, the media and the educated classes must fulfill their “societal purpose”, carrying out their necessary tasks in accord with the prevailing conception of democracy» [Ibid. Р. 19–20]. К таким «технологиям» прибегает элита доминирующей этнической группировки в эмигрантском государстве, побуждая свои доминионы распространять эту технологию

у себя. Конечно, такая элита будет оставаться у власти ровно столько, насколько хватит данной «технологии».

Какой ответ на поставленные вопросы дает русская культура? Она не только почувствовала и глубоко осознала эту проблему европейской цивилизации, но и подвергла ее критическому анализу, дала ей оценку и предложила свои ответы на вызов времени (см. работы Л. Н. Трубецкого [2007], Л. Н. Гумилева [1994; 2002], И. А. Ильина [2006] и др.).

Так, Н. С. Трубецкой, осмысляя плутократическую основу воплощенных в современном ему мире демократий, писал в статье «Идеократия и армия», что правящий слой отбирается в таком случае по признаку популярности «в безличных массах населения», речь идет о популярности, измеряемой «числом поданных на выборах избирательных бюллетеней, тиражом газет и т. д.» Правящий слой, отобранный по этому признаку, состоит из людей, умеющих общаться с настроениями известных групп населения (причем каждый специализируется на одной такой группе), т. е., с одной стороны, высказывать и делать то, что в данный момент отвечает этим настроениям, а с другой стороны, создавать и внушать данной группе определенные настроения» [Трубецкой, 2007. С. 604–605]. «Всемерное подчеркивание классового или индивидуального эгоизма, утверждение его правомерности и стремление оградить его от притязаний чужого эгоизма и от требований государственного целого – все это является не только характерными, но и существенными и необходимыми особенностями демократического духа. А так как военное дело по самому своему существу противоречит частночеловеческому эгоизму, требуя от человека высшего самопожертвования (жертвы жизнью) во имя интересов государственного целого, то естественно, что демократический дух должен восставать против самого существования армии. И действительно, демократическое государство по существу антимилитаристично. В то же время плутократический элемент, неизбежно сопутствующий демократии в сколько-нибудь крупных государствах, естественно, толкает государство на войну и, во всяком случае, требует от государства постоянной боевой готовности для борьбы за рынки и для подкрепления международной экономической

конкуренции. Это – одно из тех противоречий, которые рано или поздно приведут демократию к гибели» [Там же. С. 606].

В этом же русле лежит, как нам думается, вопрос не только об ответственности политика, но и об ответственности ученого, исследующего сознание во всех его проявлениях, поскольку для последнего всегда актуален вопрос, в чьи руки попадает полученная информация (в руки примитивного политического лидера-примата, откровенного предателя, недобросовестного дельца, творца грязных пиар-акций и т. п.). С другой стороны, каждому занятому в этой сфере деятельности человеку нужно научиться понимать свои возможности и несовершенство. В русской культуре выработан очень высокий «стандарт» требовательности к себе и своей деятельности в этом аспекте. Там, где совершается нравственный выбор, человек русской культуры призывает «ставить перед собою вопрос не о “лучшем” (т. е. *относительно* или *сравнительно* лучшим, о меньшем зле или о наименьшей несправедливости), а о *самом лучшем*, о том, что есть действительно и объективно совершенное? В этом первое и основное условие духовности; в этом самая сущность духа. Христианин ставит свою совесть перед совершенством “Небесного Отца” и вопрошает ее о нравственно идеальном отношении человека к человеку. И совесть дает ему, бессловесно и немысленно, эмоционально-волевым толчком, тот единственный ответ, который она дает всегда и дает всем: о *самом лучшем*, об идеально-совершенном отношении, о единственно праведном; и притом так, что этот бессловесный, но активно-понуждающий ответ, как бы порыв к определенному действию, сообщается человеку без участия мысли и слова... Вопрос же, на который она отвечает, всегда один и тот же: “что есть нравственно самое лучшее перед лицом Божиим?” [Ильин, 2006. С. 543–544]. «У людей, слабых духом, есть потребность идеализировать то, что они делают, и закрывать себе глаза на несовершенные или слабые стороны своего поступка, своей деятельности, своего общего душевного уклада. Это естественно и понятно, ибо нужен зрелый духовный характер и нужна сила воли, для того чтобы, при наличии живой совести, делать сознательно и усердно то, что она не признает совершенным, судить себя за это и все-таки

утверждать свою деятельность как необходимую, продолжать ее и не колебаться в чувстве собственного духовного достоинства. Людям “бессовестным” живется, может быть, гораздо легче: им просто чужда потребность в объективной правоте, и вместо духовной самооценки и духовного самочувствия в них живет личное самолюбие и тщеславие, охотно удовлетворяющееся житейским успехом и купленной лестью» [Ильин, 2006. С. 542]. «Вопрос о том, в чьих руках находится информация, также требует внутренней чувствительности и способности к поступку, умения находить людей “совестливых” и сильных: такие люди способны выносить зрелище своего несовершенства, признаваться в своих заблуждениях и исправлять свои ошибки; мало того, они умеют верно выделять из идеального то, что непосредственно осуществимо, с энергией преданности бороться за его осуществление. И притом не в измену идеалу, а в верность и в служение ему» [Там же]. Проблема нравственного выбора разрешается в пользу доверия именно такому человеку.

При столь высоком «стандарте» осознание несовершенства собственной деятельности не проживается болезненным комплексом, парализующим волю человека, а напрямую связывается с силой духа и соизмеряется ею. Здесь, по нашему мнению, нужно искать *евразийский образ мерности «добра и зла» человеческого поступка*, в том числе и в сфере идеологического взаимодействия представителей разных культур и в особенности в сфере гуманитарного просвещения. Далек ли мы от этого «стандарта» сегодня? Да, в массе своей очень далеки. В особенности, если учесть, что в сознании многих из нас очень сильны ростки нигилистического (усиленного потребительскими инстинктами) мироощущения, для которого Запад – не бодрый творческий заряд для упражнения духа и коррекции образа действия, а «божественный» стандарт для повсеместного внедрения. Отсюда и время от времени появляющиеся призывы «отучить народ думать», чтобы легче было им управлять, да еще и внести соответствующие изменения в образование, тогда уж точно думать перестанут, а там, может, сами того не замечая, построят очередной *-изм* для очередной элиты. Вот в чем нам представляется главная опасность для подлинно гражданского общества в России. Между тем есть

же высокий стандарт в русской культуре! Он существует и провозглашает себя, независимо от того, где он создавался русским миром, в изгнании на чужбине, утверждая силу своего духа на фоне самодовольной сытости и умножая духовное наследие «во всем мире», или в советской России, пробивая тенеты догматов и давление репрессивного аппарата манипулирующих *-измами* элит.

Особенно высока ответственность СМИ в обществе, гражданская сила которого, включая ориентационно-мировоззренческий процесс, во многом зависит от характера их деятельности. Однако СМИ суть каналы передачи информации, которые также подвержены действию стихии и отнюдь не только рыночной, хотя самим участникам СМИ-проектирования кажется, что они могущественны и что у них все хорошо и ладненько так получается: самим современникам какого-то события всегда кажется, что их мир хорош и устойчив. Здесь в области практической мировоззренческой работы также наблюдается абберация *собственного этнического сознания*. При этом постоянная коррекция деятельности осуществляется не только сознательно, но и подсознательно. Уверенность в том, что с помощью СМИ можно «спроектировать» любое общество, полное культурное единство, граничит с самообманом, более того, попытки «спроектировать» могут быть не безобидными для этноса. Ведь мы имеем дело с этнической стихией. А ее действие может быть и защитным, отнюдь не только разрушительным, как может представляться ущемленному в своих интересах манипулятору. Стихия не обязана укрощаться под его желания, она может отступить на какое-то время, может принять иную (не известную до того) форму, энергия в обществе может иссякнуть настолько, что и никакое воздействие не поможет. Наконец, сами субъекты манипуляции не только являются объектами воздействия этнической стихии, но и ее носителями. Обольщение массовыми манипуляциями и социально проектантскими победами опасно именно своим дьявольским искусом, упрощенческим подходом к предмету. Между тем этически и культурно-исторически оправданная установка на укрепление духа могла бы стать главным мировоззренческим ориентиром в евразийском контексте, в том числе и в деятельности

СМИ, поскольку устойчивость духа компенсирует неустойчивость среды как факта устройства мира. Уж лучше бодрящая дух неустойчивая среда, чем леденящая душу и парализующая волю колея!

Таким образом, исследование АДМ и ЭКД в мировоззренческом аспекте – это еще и наблюдение над поиском и оценкой нравственных решений, которые дает конкретная этническая культура в переломные эпохи своей жизни. В процессе проигрывания «драмы» внутриэтнического функционального конфликта ориентационный мировоззренческий процесс направлен на снятие идущих изнутри и извне угроз (в том числе и от внешних идеологов), репрессируя их с помощью содержательного духовно-нравственного наследия родной культуры, корректируя на этой основе возникающие модели отношений и действий. Мерилом здесь выступают поступки отдельных личностей, которые могут содержать в себе как конструктивное, так и деструктивное начало и служат моделями оптимизации мобилизационной деятельности.

Какое место следует отвести мировоззрению в изучении истории языка? Для наиболее полного понимания процессов и закономерностей, определяющих жизнь интересующего нас этнического сообщества на определенной фазе этногенеза, нам необходимо установить, какие именно параметры этнической (внешней для языка, как системы иного порядка) истории внутри каждой фазы этногенеза, доступны для изучения и объединяются в общую категорию как семиотические проявления жизни этноса на определенной фазе, отличной от предыдущих и последующих. Упомянувшиеся выше три объекта исследования и становятся таковыми. Объединяем мы их по принципу значимости в самоорганизации этноса. К числу таких параметров мы относим этнокультурные доминанты, которые могут рассматриваться в их семиотической (финальной) части как ментальные репрезентации мировоззренческого процесса; сопряженные с ними адаптационно-деятельностные модели и жесткие социальные структуры – плод самоорганизации этнической системы. Все эти параметры – разнопорядковые семиотические маркеры внутренних этнических процессов – проявления творческого начала пассионарности. Все требуют пассионарно-творческого вклада. Понять содержание

отдельно взятой этнической фазы без их анализа не представляется возможным. Вместе с тем собственно лингвистические методы мало что дают в исследовании этих объектов. Тем не менее лингвисты постоянно обращаются к этим аспектам этнической жизни, что, вероятно, связано с их формирующим влиянием на языковую систему. Действительно, наши наблюдения над английским материалом показывают, что эти параметры сильно влияют на специфику того, что Г. П. Мельников называл внешней детерминантой, буквально «привязывают» ее ко времени и к эпохе. В них и через них модифицируется внешняя детерминанта языка. В частности, этнокультурные доминанты помогают увидеть и оценить сложность, неоднородность и пр. показатели языкового коллектива не только с внешней структурной стороны, но и на основе анализа семиотических проявлений внутренних, формирующих эту неоднородность процессов, которые выявляются на уровне суперэтноса и получают специфику на уровне этносов.

При рассмотрении тех или иных аспектов этнических процессов перед исследователем встает задача – выделить единицы анализа. Когда же мы говорим о единицах анализа в языке как признанном объекте лингвистического исследования, мы имеем в виду следующее.

Единица анализа – функциональный элемент языковой субстанции и структуры, который исследователь идентифицирует как материал для эмпирического анализа в зависимости от целей своего исследования. Вероятно, в междисциплинарных областях, связанных с использованием языка, языковые (речевые) единицы анализа должны определяться на основе их функции по отношению к надсистеме более высокого порядка. Это специфическая семиотическая (символическая) функция, которая не только присуща отдельным единицам, но может проявляться и в целых группах, подсистемах и парадигмах языковых знаков. Там, где функционирование языковых единиц не может быть понято без их семиотической нагрузки в надсистеме, как правило, применяются такие методы анализа, которые рождаются вне собственно лингвистических возможностей, и тогда возникают пограничные с иными областями научных знаний лингвистические дисциплины, что, в прин-

ципе, отражает холистичность процесса познания как такового. В этом случае и лингвисту приходится оперировать непривычными для него, но необходимыми ему единицами анализа и метаязыком. К таким единицам можно отнести у психолингвистов образы сознания, у лингвокультурологов, когнитивистов и семиотиков концепты, а также фреймы, схемы, фрагменты, модели, стереотипы поведения, которые мы конкретизируем в нашем ракурсе как достойные нравственной оценки поступки, являющиеся сами по себе семиотическими единицами-маркерами стереотипа поведения и объектами семиотического анализа со стороны наблюдателя. Все эти единицы изучаются как носители смыслового содержания, знаки культуры и рефлексии общества над этим ее содержанием.

Образ сознания и *концепт* могут иногда по факту рассмотрения (по сложившейся традиции) относиться авторами к одному и тому же явлению. *Концепт* часто отвергается психолингвистами как субъективный продукт выводного знания, подверженный рефлексии автора исследования, но и *образ*, полностью согласующийся со всеми слоями в структуре принятой модели сознания, с нашей точки зрения, также несет в себе значительную долю субъективности, в нем тоже есть как минимум рефлексия исследователя-интерпретатора, аберрация картины мира исследователя и аберрация условий эксперимента. В культуре нет другого способа выработки духовных мировоззренческих субстанций, кроме как пропустить входящую информацию через личностный опыт и смысл, поэтому субъективное становится переживаемым не только на уровне осознавшего его автора личностного смысла. Присвоение чужого опыта при проигрывании его в своих мыслях дает концепт. Учитывая все сказанное выше о попытке опереться на инерционный механизм культуры, можно заключить, что в отличие от образов сознания в традиционном понимании филогенез мировоззрения (для ориентационно-организующей функции нашего сознания на коллективном уровне) требует именно рефлексии и анализа рефлексии над имеющимся знанием (содержанием) в поисках общих смыслов и моделей действия, что отражается на концептуальном уровне, и единицами анализа здесь правомерно могут рассматриваться концепты, как продукты

личностной рефлексии, так как в ходе информационного обмена мы постоянно конструируем концептуальное пространство, в котором созревают образы совместной деятельности. Это больше, чем ассоциативное поле, которое мы получаем в эксперименте, это уже идеологема действия, содержащая прогностический по отношению к самой деятельности установочный компонент, сотворенная именно как концепт (ментальный артефакт), форма выводного знания и объект для рефлексии со стороны членов сообщества. Пока не исчезнет мотивация к его содержанию и к содержанию деятельности, с которой он ассоциируется в мотивационном плане, он актуален и своим проживаемым и переживаемым содержанием дает пищу для индивидуальных образов, дает душевный комфорт и почву для приложения духа. После исчезновения этноса он может оставаться как духовное (историко-филологическое, культурное) наследие. В самом деле, трудно представить себе писателя или философа, который творил бы по материалам ассоциативного словаря. Писатель и философ работают в других масштабах, если это хорошие писатели, то они всегда находятся над усредненным сознанием, но интуитивно они всегда опираются на узлы устойчивых ассоциативно-смысловых связей, создавая свое семантико-концептуальное пространство, из которого читатель почерпнет свои образы и смыслы, сформирует свои мотивы. Это концептуальное пространство превращается потом в духовное наследие культуры. Когда старые узлы «застынут», ростки новой культуры построят свои холистичные образы на этом концептуальном содержании и переработают его, и встроит его в свое ассоциативно-смысловое поле.

Фактически *этно-, психо-, социолингвистика* и *лингвокультурология*, а также *когнитивная лингвистика* создаются по одному и тому же принципу как направления исследования. Каждая из них смещает акцент в сторону какого-то одного вида надсистемных (внешних) факторов, имеющих влияние либо на структуру и субстанцию языка непосредственно, либо на функциональные параметры языка и речевую деятельность. Все эти факторы так или иначе относятся к условиям функционирования языка. Для психолингвистики это психическая реальность, в которой творятся, воспринимаются и используются языковые знаки, участие

языка в этих процессах и обратное их влияние на язык. Социолингвистика выявляет социальные факторы. Если рассматривать всю социальную системность как выстроенные этносом жесткие системы, те же семиотические знаки этнического процесса, то социолингвистику можно включить в этнолингвистику. Лингвокультурология смещает акцент на культуру, но культура – это семиотика жизни, т. е. по сути это те же самые знаки, но они всегда имеют этническую основу, стало быть лингвокультурология также может осмысляться как часть этнолингвистики. Когнитивная лингвистика все описывает в терминах знания и познания, поскольку ее интересует роль языка в процессах познания и организации знаний. Этнокультурный опыт – часть познавательного опыта человека в целом, но одно к другому (этническое и когнитивное) не сводимо без остатка, поэтому, вероятно, эти сущности взаимодействуют очень тесно, но все-таки выделяются как разные отрасли лингвистики. Однако все эти подходы суть разновидности междисциплинарных подходов к изучению взаимодействия языка и внешних по отношению к нему систем (надсистем). Все они вносят определенную лепту в изучение языка и речи, каждая по-своему. В изучение других надсистемных аспектов – только частично. Например, в изучении этнической картины мира и лингвистика и филология вместе взятые не могут претендовать на исчерпывающую продуктивность, даже весь арсенал междисциплинарных лингвистических наук здесь не достаточен, нужно совмещение лингвистических данных с данными и других наук о жизни людей во всей совокупности ее проявлений. Как жизнь многообразна, так и ее познание не возможно ограничить одной областью. Мы выделяем различные грани познания условно, для удобства рассмотрения, ведь нашему сознанию доступен для одномоментного изучения (дискретного по сути акта) какой-то один участок, одна грань системного объекта, синтез наступает потом, по мере накопления детальных данных. Иногда возможен и обратный путь. Объект познается (прозревается) холистично в совокупности с наиболее очевидными надсистемными параметрами, а детали расписываются потом в ходе кропотливого вживания в объект и скрупулезного его рассмотрения.

При проведении междисциплинарных исследований этнолингвистического плана нужно учитывать очень важный фактор, который уже упоминался выше и который можно обозначить как *абerrацию собственной этничности*. Он должен учитываться не только как допустимая погрешность результата, но и как фактор, создающий личностный дискомфорт исследователю, в определенном смысле «пробивающему» защиту своей этнической картины мира. Это особенно важно в работе со студентами. В этом же ряду и нарушение сакральности языка: прикладничество и аналитическая супернаучность в чем-то «убивают» эту основу, отчуждаясь от нее. Сакральность языка может нарушаться при скрупулезном ярлычковом подходе к словам, препарировании сакрального. Такой подход к слову в противовес холистическому филологическому также таит в себе опасность потерять через научную аналитику мировоззренчески и культурно значимую сакральность языка и его знаков в культуре. Филология заполняет эту лакуну. Именно в интерпретационном текстовом и надтекстовом поле рождается *выводное мировоззренческое чутье*, рождается, а впоследствии укрепляется личностный смысл, чувствуется сопричастности культуре. Здесь *филология* с ее текстом и смыслом, с ее приращениями смыслов, с ее духовным надсловьем, которое поверяется личным опытом обучающегося (познающего), *играет системообразующую роль для мировидения участников дискурса*. Очень велика и роль смыслового поля интерпретации научной семиотики, научно оформленных смыслов, должен быть мост между холистичностью мировоззрения и точными научными изысканиями, холодной аналитикой и строгой мерностью. В советском проекте эта связь подменялась искусственно насаждаемым псевдомировоззренческим догматом. Вероятно, в природе познания нет дискретности – оно холистично, дискретность в самом анализе, в наблюдении, здесь есть некая разделенность и отчужденность от объекта, что также глубоко прочувствовано русской философией мысли. Культура же живет обратным, она нуждается в холистичности смысла, хотя ее укоренение и подготавливается в человеке смутными побуждениями, установками, стихийно-эмоциональным и интуитивным нечто, прорываясь периодически актообразно в свет-

лое поле осознанно-вербализованной мысли. Сюда же можно отнести и проблему выделения языкового и внеязыкового сознания. В природе же оно едино, хотя условное членение имеет смысл для понимания факторов, влияющих на динамику и содержание языковых процессов, с одной стороны, и возможностей мерности сознания через вербальные его «овнешнения» (о термине см.: [Тарасов, 2000]) и соответствующего воздействия на сознание через языковые средства, с другой стороны. Это будет воздействие сложносоставной семиотики смыслов культуры, стоящих за ярлычками слов.

Иногда эти смыслы глубоко оседают в целых подсистемах языковых знаков, трансформируясь в устойчивые функциональные свойства этих знаков. Так, например, логика внутриэтнических и межэтнических взаимодействий дает семиотическую проекцию в строевые характеристики вербального наследия каждого субэтнуса (этнической группы), превратившегося в субстрат более позднего этнического сообщества (кельтский, скандинавский – даны и норвежцы, французский субстрат у англичан).

Изучение этнокультурных доминант с лингвистической точки зрения интересно не только в очевидности использования языковых данных как средства познания этих ЭКД. Сами этнокультурные доминанты помогают увидеть этнокультурные, ментальные параметры, в которых функционирует язык (см. выше: Н. В. Ушакова о влиянии опыта на физиологию ассоциативных связей), т. е. отследить изменчивость самой функции, условий, которые модифицируют (конкретизируют, определяют изменчивость ее функционального состояния) внешнюю детерминанту языка, условий, которые создают запрос на изменение функциональных параметров языковой системы. Это позволяет судить об условиях сохранения языковой системой тождества самой себе, *функциональной адекватности* этой системы по отношению к категоризации этнокультурного опыта этноса, по отношению к *этногенезу*. Все ментальные переменные, которые мы сможем идентифицировать, должны помочь прочувствовать дух эпохи, но чем же можно измерить его присутствие в языке? *Состав и характер языкового наследия конкретной этнической эпохи и функциональные параметры каждой подсистемы в этом языковом наследии, их корреляции с функциями*

субэтносов, оставивших это наследие. Далее – участие этих процессов в формировании устойчивых типов в языке. Это можно назвать влиянием на строевые параметры языка. Можно зафиксировать строевую специфику различных участков словаря, найти «вместилища» типологически релевантных процессов, где закладываются устойчиво продуктивные модели в языке. Измерение тонких параметров настройки типа языка как такового. Здесь потребуется знание о взаимодействии языкового и внеязыкового сознания.

Наш интерес к рассмотренным выше сущностям этнической истории диктуется осознанной необходимостью выработать подход к *описанию истории языка* в целях создания учебного комплекса, в котором эта модель реализуется. Сегодня в англоязычном мире накоплено огромное количество книг на тему истории английского языка. Задача описания предмета решается в каждой из них в определенном, иногда весьма идеологизированном ракурсе. Говоря о мировоззренческой задаче, которая представляется нам целесообразной в теоретических курсах, мы не имеем в виду идеологизацию истории языка, тем более догматизацию некоей доктрины. Ничего этого в истории быть не должно, история языка опирается на фактические знания о существовании и закономерностях развития языковой субстанции и структур, засвидетельствованных в текстовом материале сохранившихся письменных памятников и подтвержденных развитием закономерных процессов в современном живом языке. Однако ось взаимодействия внешней и внутренней истории языка должна быть проведена, по нашему мнению, в близкой к русскому мировидению истории традиции, тем самым побуждая студента к более глубокому осмыслению реальных исторических процессов, закономерностей их развертывания и взаимодействия. Статичное описание (простая фиксация) массы языковых изменений не будет способствовать систематизации знаний в столь насыщенном информационном пространстве, да и современному продвинутому пользователю не составит большого труда самостоятельно получить конкретную фактическую информацию такого рода в интернете. Другое дело, что эта информация еще не может расцениваться как знания для нашедшего ее студента. Эта информация должна быть интериоризи-

рована, переработана. Поэтому реальная проблема, на наш взгляд, не столько в накоплении собственно квантов знаний, хотя это очень существенно для специалиста, сколько в технологии их организации «на вырост», т. е. так, чтобы они несли в себе мотив и повод для развития, в особенности побуждали осмысливать и исследовать этноязыковые процессы.

Теоретически проблема взаимодействия внутренней и внешней истории языка требует ответа на несколько вопросов: какие именно параметры и какого уровня надсистемности оказывают влияние на целносистемные изменения языка? Как общие (более высокого уровня надсистемности) параметры конкретизируются (модифицируются) в каждой фазе этногенеза? Как соотносится содержание и динамика этнических процессов с динамикой типологически релевантных процессов в языке? Иными словами, в чем именно проявляют себя надсистемные параметры разных рангов, как они взаимодействуют в каждой фазе этногенеза, в чем заключается их конкретное влияние на субстанцию и структурную организацию языковой системы и механизм этого влияния, как соотносятся хронология целносистемных изменений языка и этнической истории. Методологическую базу для решения фундаментальных проблем такого рода разработал в рамках развитой им теории системной типологии подошел Г. П. Мельников, опираясь на введенные им понятия внешней и внутренней детерминант.

Термином «внешняя детерминанта» языка определенного типа он обозначил коммуникативно-релевантные характеристики языкового коллектива, куда относятся: 1) его величина (малый – большой коллектив); 2) однородность – разнородность (смешанность) состава; 3) доминирующий режим общения, а именно: наличие – отсутствие временных и (или) пространственных ограничений на межкоммуникационные интервалы (в том числе в зависимости от оседлости – неоседлости носителей языка). Эти характеристики в своей совокупности формируют внешнюю детерминанту языка и в особенности внеязыкового сознания носителей языка: тип связи поводов сюжетов в памяти общающихся, степень близости текущих, индивидуальных образов и мировидения [Мельников, 2003. С. 127–141]. Таким образом, было показано, что сама функция языка

варьируется под воздействием надсистемных, внешних по отношению к нему факторов. Нетождественность коммуникативной функции языка зависит от различий в структуре и наполнении языкового коллектива, условий общения и различий во внеязыковом сознании носителей языка. Эти факторы становятся доступными для изучения преимущественно в историко-культурном аспекте. Каждый эталон языкового типа (флективный, агглютинативный, корнеизолирующий и инкорпорирующий) представляет собой модель оптимальной самоорганизации языковой системы под воздействием одного и наиболее вероятных типов конфигурации внешних по отношению к языковой системе коммуникативно-релевантных факторов.

Однако и при таком подходе в вопросах внешней истории все же остается много неопределенности, которая, на наш взгляд, может быть со временем снята, если последовательно вводить в описание истории каждого рассматриваемого языка этногенетические параметры в описанном выше ракурсе. Г. П. Мельников выделяет и называет значимые аспекты внеязыкового сознания, где есть психологическая основа – общность образов (текущих, индивидуальных и мировидения). Сами эти образы – продукт внеязыкового давления на сознание человека. По сути, здесь имплицитно информация об этнической картине мира в близком к исторической этнологии понимании, уклад жизни рассматривается имплицитно и эксплицитно как формирующий внеязыковое сознание фактор. Таким образом, этническая компонента входит во внешнюю историю как детерминантный процесс, от этногенеза в конкретном вмещающем ландшафте (месте развития) зависят колебания всех выявленных Г. П. Мельниковым внеязыковых параметров внешней истории. Поэтому если мы ставим задачу описать внешнюю историю языка, то мы должны выявить единицы анализа и объекты рассмотрения с учетом того, как именно они формируют внешнюю детерминанту и модифицируют функцию языка внутри значимых для становления этнокультурного типа народа периодов этнической истории. За их описанием должно последовать сравнение полученных результатов с динамикой языковых изменений внутри хронологически соотносимых периодов внутренней истории

языка. Все выделенные нами выше объекты-параметры и маркеры процессов самоорганизации – этнокультурные доминанты, адапционно-деятельностные модели и соответствующие им социальные структуры, а также выявляемые в них для исследовательских целей единицы анализа могут составить аппарат такого описания.

Внутренняя история осмысливается нами как динамическое взаимодействие типов в языке, формирование, взаимодействие и разрушение относительно устойчивых продуктивных / непродуктивных типов в языке. Теоретически описать эти явления без учета колебаний условий функционирования и характера внешнего давления на различные подсистемы языка не представляется возможным. Общий характер и сила этих колебаний сильно зависят от этногенеза. В частности, от того, как формируется этнокультурный тип в активных фазах этнической жизни, какие типы самоорганизации складываются в этнических коллективах в это время, при каких именно количественно-качественных, структурных и содержательных изменениях внутри этих коллективов. Выделенные нами объекты как раз и позволяют судить о близости образов сознания, структуре коллектива, его величине и пр. на основе комплексных методов измерения и фиксации процессов, в том числе и с помощью лингвистических и филологических подходов к делу в зависимости от возможностей сохранившегося текстового наследия. Формирование содержательной стороны этих процессов (общих абстрактных образов мировидения) в его ценностной (духовной) части и есть филогенез мировоззрения. Он имеет свою специфику в каждой фазе этнической истории. Лингвистические характеристики вербального (языкового) наследия каждого субэтноса (субстрата), заданные функциональным назначением последнего в этнической системе, есть семиотическая проекция этногенеза в языке. При активном давлении внешней истории межуровневые процессы рассматриваются как внутренний ресурс адаптации языковой системы; заимствования – как внешний языковой ресурс.

Английский язык предоставляет богатый и разнообразный материал для исследования этнически обусловленных изменений в его системе. В ходе своей письменной истории он претерпел структурную эволюцию от

флективного и синтетического типа к типу аналитическому, совмещающему черты корнеизоляции и агглютинации [Плоткин, 1989]. Может быть, именно потому, что современный английский язык не является ярким представителем агглютинирующего и корнеизолирующего типов, в нем специфическим образом переплетаются свойства агглютинации и корнеизоляции. В самом деле: с одной стороны – развитие моносиллабизма как ядерной характеристики лексической подсистемы, с другой – наличие довольно большого количества аффиксальных моделей; с одной стороны – агглютинативная техника соединения морфем в аффиксальных образованиях, с другой стороны – небольшое количество аффиксов в слове и ограничения на их сочетаемость с корневыми морфемами (см. известное замечание Э. Сепира о невозможности образовать в современном ему английском языке *fightness*, *awayness* и т. п. дериваты, ср. совр.: *all-at-onceness*); с одной стороны – преобладание аналитической техники как в плане соединения носителей значений в слове, так и в предложении, с другой – ограничения на комбинаторику корнеслов преимущественно рамками аналитических биномов в подсистеме глагольной номинации, где выражаются онтологически значимые хронотопные смыслы. Таким образом, корнеизоляция и аналитизм, с одной стороны, уравновешиваются агглютинацией и синтетизмом, с другой стороны. Такое сочетание типологических характеристик в современном английском языке по-своему уникально и представляет собой семиотическую проекцию этногенеза.

Внутренние процессы, связанные с такого рода преобразованиями в английском и с аналогичными тенденциями в других германских языках, отнюдь не носят статичного характера, они активны и кумулятивны. Все это стало предметом лингвистического анализа с разным подходами к предмету и трактуется как проявление константных (устойчивых) однонаправленных процессов в исторической типологии (у М. М. Гухман), направленного процесса, проходящего в русле специфической для английского языка внутренней детерминанты (у Г. П. Мельникова). Таким образом, типологическая перестройка английского языка на разных уровнях языковой системы отмечена и фрагментарно описана в работах германистов, однако комплексно-

го систематического отражения в учебной литературе эти знания, как нам представляется, до сих пор не нашли.

Внутриязыковые изменения систематизируются в теории Г. П. Мельникова как внутренняя детерминанта языка определенного (эталонного) типа. Она представляет собой функционально наиболее нагруженное свойство языка как коммуникативной системы. Внутренняя детерминанта описывается им через анализ особенностей коммуникативного ракурса, смысловых схем типовых высказываний. Смысл типичного высказывания есть внутренняя форма сообщения, он зависит от преобразования типичных поводов в типичном аспекте при формировании типичных же сюжетов высказываний при типичных пространственных и временных интервалах между коммуникациям (актами общения). Взаимодействие внутренней детерминанты и внешней описывается в его теории следующим образом. Если однородный коллектив возрастает по величине, то возрастает пространственный межкоммуникационный интервал, возрастает эффективность событийного коммуникативного ракурса, в аспекте констатации результирующего событийного признака. Это переводит инкорпорирующий строй в эргативный. Дальнейшее увеличение коллектива в этом случае содействует формированию флективной техники. Если же межкоммуникационный интервал увеличивается только во времени, а не в пространстве, то складывается агглютинативный строй. *Разрастание языкового коллектива при усилении его неоднородности делает функционально целесообразной корнеизоляцию* [Мельников, 2003]. Это, кстати, объясняет трансформации во многих европейских языках и побуждает к исследованию динамики проходящих в них процессов на современном этапе при нарастающей этнокультурной вариативности, при усложнении коллективов, с учетом функциональной разнородности ряда этнических групп и субэтносов, и, прежде всего, «встроенных» в европейские этносы иммигрантских сообществ.

Таким образом, внутренняя детерминанта выводится из внешней. Внешняя история английского языка – наглядное тому подтверждение, а конкретные, специфические для эпохи параметры истории каждого народа, говорящего на одном из «английских

языков» (вариантов языка), конкретизируют не только специфику взаимодействия внешней и внутренней истории языка, но должны дать основания для сравнительной оценки глубины типологических преобразований в разных этнокультурных воплощениях английского языка. Вероятно, если бы удалось провести масштабное исследование различных этнокультурных вариантов английского языка, стало бы возможным измерение и описание в числовом выражении сравнительной динамики целносистемных преобразований и выведение индексов их зависимости от этнокультурной детерминированности.

Особого внимания заслуживает модель внутренней детерминанты корнеизолирующего типа. Г. П. Мельников замечает: «*Простота* грамматики корнеизолирующего языка, неизменность и относительно небольшой объем его исходных значений и морфем и, следовательно, *легкость освоения*, если иметь в виду наиболее простые коммуникативные ситуации, оборачивается *отсутствием фиксированного коммуникативного ракурса*, необходимостью творческого подхода при выборе приемов выражения *служебной* информации с помощью *вещественных* значений» [2003. С. 124]. Анализируя параметры внутренней формы корнеизолирующих языков, Мельников отмечает: «Устойчивым компонентом внутренней формы остается лишь ее этимологический минимум, т. е. план *значений* морфем, причем значений *вещественных*, поскольку с их помощью осуществляются намеки не только на ближайшие смыслы, но и на *отношения* между смыслами, как трансноминативные (деривационные), так и когноминативные (синтаксические). Следовательно, как и в случае предельной инкорпорации, морфемы корнеизолирующего языка можно назвать *корневыми*, если иметь в виду лишь то, что, как и в языках с развитой системой грамматических морфем, они являются носителями *вещественных* значений» [Там же]. При этом «практически любая морфема *корнеизолирующего* языка, в благоприятных контекстах и условиях общения, способна самостоятельно, “изолированно” выступать как высказывание» [Там же. С. 124–125]. Достаточно яркое проявление такого рода свойств находим в современном английском языке у подсистемы носителей эврисемии, составляющих типологически релевантное ядро системы языка.

Играя существенную строевую роль в этом языке, создавая типы в языке, несущие в себе признаки корнеизоляции, они, несомненно, имеют свою специфику представленности в ассоциативно-вербальной сети и, нам думается, заслуживают дополнительно исследования психолингвистическими методами, что должно помочь определить устойчивость эксплицируемых ими типов в языке и направленность их развития. Видимо, можно говорить о носителях значений как совокупности некоторых кластеров семантических признаков и говорить о жесткой их связи во флективном слове и о свободной связи для показа окказионального сюжета высказывания при создании лексем с помощью синтаксиса, когда этого требует сюжет. Нежесткая связь кластеров семантем (моделей композиционности «корневых морфем») с носителями этих смыслов (значений) поддерживает возможность чисто синтаксически создавать (псевдо)лексем по мере надобности в зависимости от требований показа сюжета. Это позволяет поставить задачу исследования ассоциативно-вербальной системности этих смыслов, выявления устойчивости и мерности их в сознании носителей языка и в сознании обучающихся (см. статьи А. А. Азаренко, И. Г. Бакулиной в данном номере). Теоретически возможно комплексное (не только на экспериментальной психолингвистической основе) сравнение устойчивых лексико-синтаксических процессов, связанных с носителями эврисемии в разных вариантах английского языка, в соотношении с силой и характером различных параметров внешних воздействий.

Кто знает, может, в каких-то англоязычных сообществах с выраженной спецификой «своего» этнокультурного варианта английского языка этот английский расщепится со временем по функциональному признаку на два языка – язык письменный и язык бытовой. Вероятность такого сценария, по нашему мнению, не исключена после экономического краха англоязычных империй. К столь смелым гипотезам предрасполагает *типологическая разнородность лексического состава английского языка* [Плоткин, 1989], а главное – функциональная специфика формального слоя лексики, слишком сильно зависящая от внешней ориентации культуры. Способ колонизации и его отражение в языке – важный, идущий извне этнической

системы параметр типологических преобразований, так как он задает новую функциональную ситуацию для языка, новые вызовы функционального плана для самоорганизации его системы.

Смелые предположения можно строить и относительно русского языка в плане типологических изменений в его системе. Что происходит с нами сейчас? Наверное, у нас наблюдается усложнение этнической системы, смена структуры и содержания этнического стереотипа. Все это сопряжено с изменением образов сознания. Конечно, их изменение протекает неравномерно в столь большом по протяженности в пространстве сообществе и в разных регионах. Значит, ареальная специфика вербализации образов сознания становится актуальным предметом для рассмотрения, а динамика нашей жизни последних десятилетий свидетельствует о необходимости провести мерность языкового сознания. Степень близости сознаний, выявленная таким способом при умелой интерпретации экспериментальных данных, может сказать нам многое о степени сохранности единого культурного поля и степени его трансформированности, а это, в свою очередь, наряду с другими этнически релевантными признаками – о подверженности внутренней детерминанты языка воздействию со стороны внешней, а точнее о силе и характере внешнего давления в русском мире.

Список литературы

- Гумилев Л. Н. Этносфера: история людей и история природы. СПб.: ООО «Изд. Дом “Кристалл”», 2002.
- Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1994 (и более поздние издания).
- Гухман М. М. Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981.
- Ильин И. А. Почему мы верим в Россию: Соч. М.: Эксмо, 2006.
- Леонтьев А. А. Личность, деятельность, образование // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 2000. С. 7–12.
- Лурье С. В. Историческая этнология. М.: Аспект пресс, 1998.
- Мельников Г. П. Системная типология языков. М.: Наука, 2003.

Плоткин В. Я. Строй английского языка. М.: Высш. шк., 1989.

Тарасов Е. Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 2000. С. 24–32.

Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. М.: Эксмо, 2007.

Уфимцева Н. В. Этнопсихоллингвистика вчера и сегодня // Вопр. психоллингвистики. 2006. № 4. С. 92–100.

Ушакова Т. Н. Языковое сознание и принципы его исследования // Языковое сознание и образ мира: Сб. ст. / Отв. ред. Н. В. Уфимцева. М., 2000. С. 13–23.

Шапошникова И. В. Для чего нам нужны концепты и концептосферы? (Размышления

о филогенезе мировоззрения и возможностях его исследования // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2007. Т. 5, вып. 2. С. 103–117.

Chomsky N. Necessary Illusions. Thought Control in Democratic Societies. Toronto: Anansi, 2003.

Jackendoff R. Consciousness and Computational Mind/ Published in cooperation with The British Psychological Society. L: A Bradford Book; Cambridge, Mass.: The MIT Press Cambridge, 1989.

Материал поступил в редколлегию 31.12.2007